

переориентации их вкусовых пристрастий, а также о резко возросших возможностях выбора на рынке музыкальной индустрии.

Сегодня музыка окружает японцев всегда и везде, вплоть до оригинальных рингтонов и мелодий, которые каждый из них в любой момент и в любом месте может заказать и услышать по мобильному телефону, не говоря уже о море разнообразных звуков, содержащихся в Интернете. Но в этом японцы не оригинальны и сегодня мало, чем отличаются от жителей других стран, если, конечно, не учитывать их самые передовые технологии в области цифровых коммуникаций и широкого внедрения их в повседневную жизнь.

Японцы привыкли к тому, что музыка должна быть всегда где-то рядом, буквально под рукой. Отсюда – их тяга к портативным музыкальным изобретениям – транзисторные приемники, которые с каждым годом уменьшались в размерах до микро-габаритов; переносные магнитофоны – «кассетники», на которых стали записывать и воспроизводить полюбившиеся мелодии, а затем аудио-плееры «Walkman», позволившие постоянно находиться в мире любимых мелодий – даже в транспорте и на природе. Но, пожалуй, самым популярным музыкальным изобретением японцев до сих пор остается *караокэ* – музыкальное развлечение, получившее широкое распространение сегодня во многих странах мира.

Карaoke – это своеобразная квинтэссенция отношения японцев к музыке. Во-первых, это – природная любовь к пению и стремление петь и проводить свободное время в коллективе (как правило, с коллегами по работе). Во-вторых, это – возможность проявить себя, главным образом, не столько демонстрируя свой талант, сколько подражая любимым исполнителям тех или иных популярных мелодий не только в манере пения, но и сценических движениях и т. д. И, в-третьих, это – все те же современные технологии, которыми японцы привыкли гордиться.

В последние годы развитие популярной музыки в Японии шло параллельно с совершенствованием музыкальных технологий, где Япония всегда являлась и является одним из мировых лидеров. А это значит, что с учетом врожденной музыкальности и трудолюбия японцев, у них есть немало шансов все-таки когда-нибудь покорить и мировой музыкальный Олимп.

В. И. Ленин и довоенный японский империализм

Ю. В. Георгиев

Вряд ли будет правильным утверждать, что Япония и проблемы японского империализма занимали видное место в политической деятельности В. И. Ленина. Это было бы преувеличением. Однако можно констатировать, что, по крайней мере, трижды жизнь заставляла его вплотную заниматься проблемами, которые ставила перед Россией агрессивная политика нашего дальневосточного соседа, или же анализировать характер довоенного японского империализма. Первый раз это случилось во время русско-японской войны 1904–1905 гг.; во второй раз – в годы первой мировой войны, в ходе работы над фундаментальным трудом по мировому империализму; в третий раз – в 1918–1922 гг., когда Япония приняла участие в империалистической военной интервенции стран Антанты на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири. И каждый раз Ленин демонстрировал глубокое проникновение в суть вопроса, находил неординарные подходы к анализирувавшимся им проблемам, оставляя заметный след в науке.

Впервые Япония вторглась в жизнь В. И. Ленина с началом русско-японской войны 1904–1905 гг. Общеизвестно, что эта война была вызвана столкновением имперских интересов царской России и тэнноистской Японии на Дальнем Востоке, прежде всего в Северо-Восточном Китае (Маньчжурии) и Корее. Никто также не отрицает, что развязала войну японская сторона. Правда, в самой Японии вплоть до настоящего времени предпринимаются попытки всячески затушевать этот факт. В конце 2009 г., например, японское телевидение показало многосерийную историческую драму, поставленную по роману Рютаро Сибэ «Облако на вершине холма». Основная идея романа и телевизионной драмы – создать у читателей впечатление, будто эта война была «самозащитой» Японии от России. Япония уподоблялась там «загнанной в угол мыши, которая вынуждена была броситься на кота».

Как бы то ни было, ничто не изменит того объективного факта, что в ходе этой войны русские солдаты проливали свою кровь на чужой для них маньчжурской земле за чуждые им интересы царской камарилы. Именно так понимал Ленин суть этой войны. В его «Тетрадах по импе-

риализму» мы можем найти следующую запись: «1904/5: (Русско-японская война). Грабят (“делают”) Китай и Корею (Россия и Япония)»¹.

Русско-японская война стимулировала интерес В. И. Ленина к этому соседнему с Россией островному государству. Он никогда не был в Японии. А во время войны находился в эмиграции в Европе. Сохранились воспоминания служителя одной из Женевских библиотек того времени. Из них мы можем узнать, что Ленин брал тогда для прочтения такие книги, как Стеффорд Рейсом «Япония на переходной стадии», Карл Мюнцингер «Японцы», Александр Хозел «Маньчжурия, ее население, естественные богатства и новейшая история», Леруа Болье «Возрождение Азии». Изучил Ленин и четыре тома монографии «Будущая война с технической, экономической и политической точек зрения». Думается, что почерпнутые из этих работ сведения помогли Ленину расширить его представление о Японии. Любопытно отметить, что один из близких к В. И. Ленину людей – Марк Елизаров (1863–1919), муж родной сестры В. И. Ленина – Анны, инженер-путеец по образованию, в 1904 г., когда началась русско-японская война, работал на КВЖД в Маньчжурии. Однако нет никаких данных о том, что он сообщал что-либо В. И. Ленину оттуда. В 1906 г., М. Елизаров выезжал в эмиграцию из России через Японию и стал одним из немногих видных большевиков того времени, побывавших на Японских островах.

Как известно, военные неудачи России стали детонатором революционного взрыва 1905 г. Ленин внимательно следил за ходом военных действий, часто вникая в подробности многих военных операций. Именно сквозь призму этой войны и связанного с ней революционного взрыва в России он и начал изучать Японию в тот период.

Наиболее интересными материалами В. И. Ленина, посвященными русско-японской войне, были его статьи «Падение Порт-Артура» (январь 1905 г.) и «Разгром» (май 1905 г.). В первой из них он сформулировал свой знаменитый тезис: «Русский народ выиграл от поражения самодержавия. Капитуляция Порт-Артура есть пролог капитуляции царизма»². Вторая статья была посвящена Цусиме, как подтверждению полного, с точки зрения Ленина, военного краха царизма.

Подобные материалы, положительно оценивавшие победу Японии над Россией, вызывают иногда недоуменные вопросы у некоторых современных исследователей. Тем более что в ленинских материалах того времени мы часто встречаемся с противопоставлениями «культурной» и якобы «свободной» Японии³ или «молодой и свежей Японии»⁴ и «от-

сталой и реакционной Европы» (читай – России)⁵. А в подготовительных материалах к статье «Падение Порт-Артура» В. И. Ленин прямо писал: «Прогресс(ивная) сила разбила реакц(ионный) оплот»⁶.

Однако подобные вопросы возникают в тех случаях, когда ленинскую позицию вырывают из исторического контекста того времени и забывают о диалектике революционной борьбы российского пролетариата против самодержавия. Именно из объективных закономерностей этой диалектики и исходил Ленин, анализируя ход и итоги русско-японской войны.

Вот что он писал по этому поводу в статье «Падение Порт-Артура»: «Война передовой страны с отсталой сыграла и на этот раз, как неоднократно уже в истории, великую революционную роль. И сознательный пролетариат, будучи беспощадным врагом войны, неизбежного и неустранимого спутника всякого классового господства вообще, не может закрывать глаза на эту революционную задачу, выполняемую разгромившей самодержавие японской буржуазией. Пролетариат враждебен всякой буржуазии и всяким проявлениям буржуазного строя, но эта враждебность не избавляет его от обязанности различения исторически прогрессивных и реакционных представителей буржуазии»⁷.

Свои размышления на эту тему В. И. Ленин продолжил в статье «Европейский капитал и самодержавие» (апрель 1905 г.). Он подчеркивал, что «при войне между эксплуататорскими нациями необходимо различать роль прогрессивной и реакционной буржуазии той или иной нации. Русской социал-демократии пришлось применить на деле эти общие положения марксизма к японской войне»⁸.

Именно этим и объясняются так странно звучащие сегодня ленинские характеристики Японии и японской буржуазии, которая в русско-японской войне оказалась «невольным» союзником российского пролетариата в борьбе с царским самодержавием. Именно поэтому В. И. Ленин специально делал тогда акцент на «революционизирующей» миссии японской буржуазии применительно к России, обязательно оговаривая при этом, что Япония вместе с тем оставалась «угнетающей нацией» и не забывал упомянуть о «японском империализме»⁹.

Отмеченные выше акценты в оценке Японии и японской буржуазии (применительно к России) исчерпали себя, как только круто изменилась ситуация в Восточной Азии после окончания русско-японской войны. Тогда, как известно, начался процесс постепенного политического и военного сближения между царской Россией и тэнноистской Японией

¹ Ленин В. И. Полное собрание сочинений, т. 28, с. 668.

² Там же, т. 9, с. 158.

³ Там же, т. 8, с. 184.

⁴ Там же, т. 100, с. 253.

⁵ Там же, т. 9, с. 152.

⁶ Ленинский сборник. М.–Л., 1926, с. 58.

⁷ Ленин В. И. ППС, т. 9, с. 15.

⁸ Там же, с. 373.

⁹ Там же, с. 157.

на базе мирного разграничения их сфер влияния в Восточной Азии и совместной защиты своих имперских интересов от покушений со стороны более сильных американских и английских империалистических соперников. Это сближение было зафиксировано в негласной части политического соглашения 1907 г. (уточненного в 1910 и 1912 гг.) и оформлено военно-политическим союзом в 1916 г. Если во время русско-японской войны Ленин в пропагандистском плане всячески противопоставлял Японию России, то в новых условиях он применил иной подход, исходя из того, что Япония из противника царского самодержавия превратилась в его союзника со всеми вытекающими из этого последствиями для российского пролетариата. Этим, в частности, можно объяснить и тот факт, что В. И. Ленин анализировал японский и российский империализм в тесной увязке друг с другом.

А когда в 1918 г. Япония приняла участие в иностранной военной интервенции империалистических держав против советской власти в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, В. И. Ленин дал японской буржуазии уже безоговорочно отрицательную характеристику. В одном из своих выступлений в 1920 г. он говорил, что «здесь (т. е. у японской буржуазии – Ю. Г.) соединение всех методов царизма, всех новейших усовершенствований техники с чисто азиатской системой пыток, с неслыханным зверством»¹⁰. Такова была историческая эволюция ленинских характеристик японской буржуазии.

Приходится констатировать, что положение В. И. Ленина о «прогрессивной» и «революционизирующей» миссии японской буржуазии в русско-японской войне 1904–1905 гг. применительно к борьбе российского пролетариата против царского самодержавия, было буквально понято некоторыми японскими исследователями и механически применено к японским условиям для доказательства «народного» характера русско-японской войны со стороны тэнноистской Японии. Этот сюжет, на примере японского исследователя Сэнтаро Кэмуяма, анализируют, в частности, в своей монографии В. Золотарев и Ю. Соколов. Однако законное недоумение вызывает крайне небрежное отношение авторов к цитированию ленинских работ, относящихся к этому периоду. В ряде случаев авторы почему-то цитируют их по Полному собранию сочинений В. И. Ленина на японском языке (!) и тексты этих цитат иногда не совпадают с ленинскими оригиналами. Приведем один пример. Авторы пишут:

«Победоносную войну Японии против России В. И. Ленин определил, как “выполняемую избавившейся от абсолютизма японской буржуазией... революционную миссию”»¹¹. Подлинный ленинский текст приводился нами выше.

¹⁰ Там же, т.45, с.61.

¹¹ Золотарев В., Соколов Ю. Трагедия на Дальнем Востоке. Русско-японская война 1904–1905 гг. М., 2004, с. 370.

Ленин значительно углубил изучение сущности и особенностей японской буржуазии на империалистической стадии ее развития в годы первой мировой войны во время работы над своим фундаментальным трудом «Империализм как высшая стадия капитализма» (1916 г.).

Начнем с подготовительных выписок и набросков к данной работе, сделанных Лениным в «Тетрадах по империализму». Их просмотр показывает, что Ленин изучил большой объем материалов по империализму в ведущих европейских странах, таких как Англия, Германия, Франция. Собранный Лениным обширный научный материал позволил ему показать, наряду с общими закономерностями, и национальную специфику империализма в отдельных европейских странах. Так, например, он охарактеризовал английский империализм, как «колониальный», а французский – как «ростовщический»¹².

Что касается Японии, то у Ленина оказалось значительно меньше материала для основательного анализа японского империализма по сравнению с его аналогами в основных европейских странах. Он, в частности, законспектировал статью Ч. Сэйла «Некоторые статистические данные по Японии» из английского статистического журнала (1911 г.). Он назвал эту работу «очень интересной статьей». Его выписки из нее свидетельствуют, что он обратил внимание на отсталую экономическую базу империализма в Японии. Вот некоторые из этих выписок: «...Особенно поучительно сравнение с Соединенным королевством... При количестве рабочих, меньше одной пятой (по сравнению с Японией) продукции в Соединенном королевстве больше, и стоимость ее выше на 40%». «Земля обложена очень тяжело. Земледелие архимелкое. Производительность земледельческого труда крайне низка главным образом вследствие мелкого земледелия и отсутствия машин»¹³.

В «Тетрадах по империализму» Ленин сделал и первую прикидку в отношении места Японии среди ведущих империалистических держав того времени. Он записал: «Примерно: (1) Три главные (вполне самостоятельные) страны Англия, Германия, С.Штаты. (2) Второстепенные (первоклассные, но не вполне самостоятельные) Франция, Россия, Япония»¹⁴.

В самом ленинском труде об империализме данные по Японии имеются только в главке «Финансовый капитал и финансовая олигархия», а также в параграфе «Раздел мира между великими державами». В этом параграфе он приводит таблицу «Колониальные владения великих держав». Япония замыкает в ней шестерку держав, выделенных им еще в «Тетрадах по империализму». В своем комментарии к указанной таблице В. И. Ленин писал: «...И среди названных шести стран мы наблюдаем, с одной стороны, молодые, необыкновенно быстро прогрессирующие

¹² Ленин В. И. ППС, т.27, с. 362.

¹³ Там же, т.28, с.377, 379, 380.

¹⁴ Там же, с. 178.

страны (Америка, Германия, Япония), а, с другой – страны старого капиталистического развития, которые прогрессировали в последнее время гораздо медленнее предыдущих (Франция, Англия); с третьей – страну, наиболее отставшую в экономическом отношении (Россию), в которой новейше-капиталистический империализм оплетен, так сказать, особенно густой сетью отношений докапиталистических»¹⁵.

К сожалению, в своем труде об империализме и в подготовительных материалах к нему Ленин так и не дал обобщающей характеристики довоенного японского империализма. Как было отмечено выше, он лишь определил место Японии среди ведущих империалистических держав (ее относительную отсталость, второстепенное и не вполне самостоятельное положение) и одновременно подчеркнул молодость японского капитализма, его быстрое, прогрессирующее развитие. Что же касается анализа существа довоенного японского империализма, то он ограничился тем, что выделил основную, по его мнению, особенность японской буржуазии того времени, кратко назвав ее «монархической»¹⁶. В. И. Ленин не раскрыл конкретного содержания данной характеристики, но, несомненно, он стремился отметить наличие значительных пережитков средневековья в политической и экономической жизни Японии того периода.

Так получилось, что ключевая оценка характера довоенного японского империализма была дана В. И. Лениным несколько позднее и вне его основного труда по империализму. Эта оценка содержалась в статье «Империализм и раскол социализма», написанной им в том же 1916 г. В этой статье Ленин продолжил свой анализ мирового империализма, дополнив его дополнительными примерами Японии и царской России, т. е. теми странами, в которых финансовый капитал не достиг тогда еще такой степени развития, как в США и Западной Европе, и где пережитки средневековья делали ситуацию в обеих странах в определенной мере сходной.

Вот его ключевая характеристика довоенного японского империализма: «В Японии и России монополия военной силы, необъятной территории или особого удобства грабить инородцев, Китай и пр. отчасти восполняет, отчасти заменяет монополию современного новейшего финансового капитала»¹⁷. Это была констатация того очевидного факта, что довоенный японский империализм отставал в своем развитии от империализма США и Англии и был слабее своих конкурентов. А положение В. И. Ленина о том, что указанное отставание «отчасти восполнялось», «отчасти дополнялось» «монополией военной силы» и рядом специфических моментов, таких, например, как особое удобство гра-

бить Китай, прямо указывало на особую агрессивность довоенного японского империализма.

Показательно, что Ленин еще раз отметил определенную схожесть довоенного японского империализма с российским, коснувшись политики Японии в своем выступлении на собрании актива Московской организации РКП(б) в декабре 1920 г. Он говорил тогда, что «здесь (т. е. в японском империализме. – Ю. Г.) соединение всех методов царизма, всех новейших усовершенствований техники с чисто азиатской системой пыток, с неслыханным зверством»¹⁸.

Что же касается российского империализма, то Ленин подчеркивал, что «в России преобладает военный и феодальный империализм»¹⁹. Эту оценку следует выделить особо, так как в последующем руководители Коминтерна и его теоретики, отталкиваясь от отмеченных Лениным схожих черт японского и российского империализма, именно эти особенности подчеркивали при характеристике довоенного японского империализма.

Хотелось бы коснуться еще одной ленинской выписки из его «Тетрадей по империализму». Идея, заложенная в этой выписке, не получила, к сожалению, развития в его труде об империализме, но она представляется весьма интересной и неспроста была замечена Лениным. Она дает нам возможность сделать вывод о том, что уже тогда Ленин обратил внимание на ущербное будущее довоенного японского империализма. Речь идет о выписке из книги Рюдорфера «Основные черты современной мировой политики» (Берлин, 1914 г.): «Современная Япония страдает от своих успехов... не может совладать со своими колониями, не окрепла etc...»²⁰. Совершенно очевидно, что эти наблюдения Рюдорфера заинтересовали В. И. Ленина потому, что они свидетельствовали о недостаточном экономическом потенциале довоенного японского империализма.

Рюдорфер фактически подметил очень тревожную объективную тенденцию, которая заключалась в том, что определенная экономическая отсталость и слабость довоенного японского империализма уже в тот период порождала заметные трудности с «перевариванием» захваченных Японией колониальных владений («не может совладать со своими колониями», «страдает от своих успехов»). А ведь именно развитие этой объективной тенденции, как мы теперь знаем, в значительной мере предопределило в дальнейшем крах довоенного японского империализма.

Однако в рассматриваемый период данная тенденция еще не проявила себя в полной мере. Тем не менее, принципиально важно, что эта тенденция все же была замечена Лениным. Об этом свидетельствует сделанная им выписка в «Тетрадах по империализму».

¹⁵ Там же, т. 27, с. 378.

¹⁶ Там же, с. 423.

¹⁷ Там же, т. 30, с. 174.

¹⁸ Там же, т. 45, с. 61.

¹⁹ Там же, т. 26, с. 318.

²⁰ Там же, т. 28, с. 530.

Интересные суждения о довоенном японском империализме, прежде всего в связи с подмеченным еще Лениным ущербным характером этого империализма, принадлежат доктору Рихарду Зорге. Так получилось, что широкой общественности Р. Зорге в первую очередь стал известен, как блестящий разведчик аналитического плана, внесший огромный вклад в раскрытие агрессивных планов фашистской Германии и милитаристской Японии накануне и в первые годы второй мировой войны. К сожалению, значительно менее известен он в качестве ученого. Однако он был серьезным марксистским политэкономом, оставившим интересные исследования довоенного германского и японского империализма.

Кратко коснемся этой темы. Изучением германского империализма доктор Р. Зорге занимался, когда в течение восьми лет работал в Коминтерне. Итогом этих исследований стала его работа «Новый Германский империализм». Книга почти одновременно вышла в 1928 г. в Советском Союзе и Германии, а затем и в Японии. Причем японский перевод был издан под заголовком «Теория нового империализма». В послевоенное время она переиздавалась в ГДР и Японии.

Эта книга привлекает внимание тем, что в ней Р. Зорге показал себя одним из первых исследователей империализма, отказавшихся от прямолинейного механистического понимания ленинского тезиса: «Империализм есть канун социальной революции пролетариата»²¹. Сталин и большинство коминтерновских теоретиков утверждали, что эпоха империализма означает конец мирового капитализма и непосредственное начало мировой пролетарской революции. В отличие от них Р. Зорге, опираясь на ленинский тезис об империализме, как современном ему этапе развития мирового капитализма, считал, что сам империалистический этап развития капитализма представляет собой целую историческую эпоху, в течение которой империализм проходит через несколько стадий своего развития. Р. Зорге различал, например, империализм до и после первой мировой войны и справедливо подчеркивал, что «и сам империализм, как этап капитализма, тоже видоизменяется в ходе собственного развития»²².

Находясь в 1933–1941 гг. в Токио под прикрытием статуса зарубежного корреспондента ряда германских буржуазных газет, Р. Зорге занялся проблемами довоенного японского империализма. Арест и казнь не дали ему возможности подвести итоги этой работы в виде отдельной книги, но он оставил нам серию крупных статей, опубликованных в журнале «Цайтшрифт фюр геополитик». Особенно выделялся его материал «Экономика Японии в период войны с Китаем» (1939 г.). В нем он подробно анализировал именно ту проблему, которую подметил в свое время В. И. Ленин в выписке из работы Рюдорфера, но не развил ее из-за недостатка фактического материала. Р. Зорге проанализировал эту проблему

на многочисленных конкретных фактах японской агрессии в Китае, проходившей у него на глазах. «Японская военная экспансия вступает в противоречие с целью, которая положена в основу японских военных действий в Китае, по крайней мере, в экономической сфере. Это противоречие уже сегодня находит свое выражение в попытках... контролировать и ограничивать вывоз в район иенового блока (т. е. в оккупированные Японией районы Китая – Ю. Г.), причем вопреки тем японским экономическим кругам, которые считали гарантии рынка сбыта в районе иенового блока главным смыслом военной акции против Китая. До сих пор было еще возможно известное “лабиринтование” между этими двумя противоречащими друг другу тенденциями. Однако по мере затягивания конфликта и необходимости мобилизации все новых экономических ресурсов это противоречие может вырасти до такой степени, что станет непреодолимым»²³. В другой своей работе – «Японская экспансия» – Р. Зорге изложил этот свой вывод в краткой и афористичной форме: «Японцы – захватчики, но отнюдь не колонизаторы»²⁴.

Так доктор Р. Зорге выявил едва ли не самое глубокое внутреннее противоречие довоенного японского империализма – противоречие между его особой агрессивной сущностью и его объективными возможностями осваивать завоеванное. Другими словами, он одним из первых вскрыл объективную тенденцию исчерпания довоенным агрессивным японским империализмом своего потенциала и его неизбежного ухода с исторической арены, как отжившей формы японского капитализма.

Вернемся еще раз к теме русско-японской войны у В. И. Ленина. Дело в том, что она заняла видное место в его политической публицистике. Он охотно использовал сюжеты этой войны, так как они давали ему возможность ярче и доходчивее разъяснять политическую обстановку того времени, тактику российской социал-демократии. Приведем несколько примеров.

В статье «Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства» (апрель 1905 г.) Ленин писал: «Бороться за республику и в то же время отказываться от революционной демократической диктатуры – это все равно как если бы Ойяма (Ивао Ояма, генерал, главнокомандующий сухопутными войсками Японии. – Ю. Г.) решил бороться с Куропаткиным под Мукденом, заранее отказавшись от мысли самому вступить в Мукден»²⁵.

В подготовительных заметках к статье «Первая победа революции» (октябрь 1905 г.), посвященной царскому манифесту 17 октября, Ленин отмечал: «Победа 17 (30) октября есть не полная победа, не Седан, а Ляоян»²⁶. Другими словами, он противопоставлял полную победу прусаков

²¹ Там же, т. 27, с. 308.

²² Зонтер Р. Новый германский империализм. Ленинград, 1928, с. 15.

²³ Zeitschrift für Geopolitik (ZIG). 1939, № 3, s. 182 (См. Приложение к книге Ю. Георгиева «Рихард Зорге. Биографический очерк». М., 2002, с. 168–169).

²⁴ ZIG, 1939, № 8–9, s. 622 (см. Приложение, с. 191).

²⁵ Ленин В. И. ППС, т. 10, с. 26.

²⁶ Там же, т. 12, с. 405.

над французами в 1870 г. частичной победе японцев под Ляояном, после которой русские войска просто отступили к Мукдену.

Любопытна и статья «От обороны к нападению» (сентябрь 1905 г.), в которой Ленин призвал русский пролетариат «учиться у японцев». «Широкое применение сильнейших взрывчатых веществ – одна из очень характерных особенностей последней войны. И, общепризнанные теперь во всем мире мастера военного дела, японцы, перешли также к **ручной бомбе**, которой они великолепно пользовались против Порт-Артура. Давайте же учиться у японцев! Не будем падать духом по поводу тяжелых неудач, сопровождающих попытки массовой закупки оружия... Изготовление бомб возможно везде и повсюду»²⁷.

К сюжетам русско-японской войны 1904–1905 гг. Ленин возвращался и впоследствии. Наиболее интересен в этом смысле его доклад на 7-й Московской губпартконференции в октябре 1921 г. В нем он, как известно, разъяснял необходимость перехода к нэпу и сравнивал тактику большевиков в это время с тактикой генерала Ноги во время его штурма Порт-Артура.

В этом докладе Ленин выделил два периода: приблизительно с лета 1918 г. до весны 1921 г. и с весны 1921 г. до осени того же года. В первый период, по его мнению, была предпринята попытка «кавалерийской атаки» на экономические основы капитализма в России путем осуществления «военного коммунизма». Однако «военный коммунизм» потерпел неудачу и выявилась необходимость перейти к нэпу. Ленин сравнивает эту смену тактики с важным маневром в ходе военной операции.

«Пример, о котором я говорю, это – взятие Порт-Артура японским генералом Ноги. Основное, что интересует меня в этом примере, состоит в том, что взятие Порт-Артура прошло две совершенно различные стадии. Первая состояла в ожесточенных штурмах, которые все окончились неудачей и стоили знаменитому японскому полководцу необычайного количества жертв. Вторая стадия – это когда пришлось перейти к чрезвычайно тяжелой, чрезвычайно трудной и медленной осаде крепости по всем правилам искусства, причем по истечении некоторого времени именно таким путем задача взятия крепости была решена». И Ленин делает вывод: «Я думаю, что этот пример годится для пояснения того, в каком положении оказалась наша революция при решении своих социалистических задач в области хозяйственного строительства»²⁸.

Определенный интерес представляет еще один аспект темы «В. И. Ленин и довоенный японский империализм». Этот аспект напрямую связан с его «нестандартной» позицией в отношении русско-японской войны 1904–1905 гг. Некоторые исследователи даже считают данный аспект чуть ли не «обратной» или «теневой» стороной данной «нестандартной» позиции Ленина. В Японии и на Западе его часто увязывают с так называемыми

«японскими деньгами» на первую русскую революцию, причем утверждают, что эти деньги якобы шли через РСДРП и В. И. Ленина.

Обыгрываются, в основном, два сюжета: во-первых, попытка японского разведчика Акаси Мотодзиро спровоцировать на японские деньги антиправительственный вооруженный путч в Санкт-Петербурге в 1905 г. и, во-вторых, «сколачивание» на этой же основе антиправительственного политического блока из представителей революционной и националистической оппозиции, находившейся в эмиграции в Западной Европе.

Главный герой первого сюжета – разведчик и дипломат, полковник Акаси Мотодзиро (1864–1919). До 1904 г. он был военным атташе посольства Японии в Петербурге. С началом войны перебрался в Стокгольм. Он предложил своему правительству идею политической дестабилизации царского режима с тем, чтобы раскатать ситуацию в России и создать благоприятные условия для успеха военных действий Японии в Маньчжурии. Предполагалось использовать в интересах Японии начавшееся революционное брожение народных масс России, вплоть до организации вооруженного антиправительственного путча в Петербурге. Ставка делалась на сторонников священника Г. Гапона, который уже однажды спровоцировал питерских рабочих на «кровавое воскресенье» 9 января 1905 г., а также на отряды боевиков партии эсэров. Для претворения этой акции в жизнь Акаси планировал крупные закупки оружия в Европе и его нелегальную доставку в Россию. На эти цели японское правительство выделило в распоряжение Акаси 1 млн. иен.

Обосновавшись в Стокгольме, Акаси установил тесные связи с Кони Циллиаксом, руководителем Финской партии активного сопротивления, выступавшей за отделение Финляндии от царской России. Этот деятель стал его главным агентом, помогавшим устанавливать контакты с оппозиционными националистическими организациями, действовавшими на западе России, а также налаживать сотрудничество Акаси с партией эсэров. Через Циллиакса и его людей осуществлялись закупки оружия и его транспортировка в Россию. Активным помощником Акаси был также г. Деканозов из Грузинской партии социал-федералов-революционеров.

Для транспортировки закупленного оружия в Россию были приобретены две яхты. Одна из них – «Джон Графтон» была направлена в Балтийское море к финскому побережью. На нее было погружено 16 тыс. ружей, 3 тыс. револьверов, 3 млн. патронов к ним и 3 т взрывчатки. В августе 1905 г. яхта «Джон Графтон» благополучно добралась до финского побережья, но там натолкнулась на подводные камни и затонула. Большая часть оружия пропала, и план вооруженного путча в Петербурге провалился. На вторую яхту – «Сириус» было погружено 8,5 тыс. ружей и 1,2 млн. патронов²⁹. Яхту направили в Черное море, и она в декабре 1905 г.

²⁷ Там же, т. 11, с. 270.

²⁸ Там же, т. 44, с. 209, 195, 197.

²⁹ Akashi Motojiri. Rakka ryusui. Colonel Akashi Report on Cooperation with the Russian Revolutionary Parties During the Russo-Japanese War (Selected Chapters Translated by Inaba Chiharu and Edited by Olavi Falt and Antty Kuyala). Helsinki, 1988, p. 46–47, 49.

благополучно разгрузилась на грузинском побережье. Оружие доставили адресату, но как оно было использовано, осталось неизвестным.

Подробности этой подрывной акции были рассказаны в записках самого Акаси, написанных им в 1906 г. на основе его донесений в японский генштаб. Он озаглавил их «Ракка рюсуй», что соответствовало японскому поэтическому выражению «опавшие листья на струях воды». Перевод части этих записок был опубликован на английском языке в книге «Ракка рюсуй. Доклад полковника Акаси о его сотрудничестве с российскими революционными партиями во время русско-японской войны», изданной финскими исследователями Олави Фельт и Анти Куяла в Хельсинки в 1988 г. В книгу вошел также ряд статей на указанную тему, написанных исследователями из Европы и Японии.

Вот что писали Фельт и Куяла в совместном предисловии к книге: «Имя японского полковника Акаси Мотодзиро впервые получило скандальную известность в Санкт-Петербурге в 1906 г., когда российская государственная полиция опубликовала буклет о его секретной деятельности во время русско-японской войны (1904–1905 гг.). Переписка между Акаси и его агентами, опубликованная в этом буклете, показала, что японский военный атташе далеко вышел за рамки своих обычных обязанностей и, используя значительные суммы денег, финансировал революционные элементы, действовавшие внутри Российской империи». И далее: «После второй мировой войны в западном мире стал расти интерес к Акаси, так как он, как и имперское правительство Германии во время первой мировой войны, **субсидировал революционную деятельность большевиков** (выделено нами. – Ю. Г.). В связи с этим имя Акаси стало везде ассоциироваться с историей России. Этому способствовали и публикации Микаэля Футрела. Он заинтересовался контактами Ленина и большевиков с Акаси, хотя сами японцы явно стремились больше к сотрудничеству с эсэрами, чем с большевиками. Будучи серьезным историком, Футрел вынужден был в своих исследованиях прийти к выводу, что большевики занимали незначительное место в операциях Акаси. После смерти Акаси в 1919 г. в Японии возник его культ. Но его отношения с русскими революционерами и его влияние на исход русской революции 1905 г. оказались сильно преувеличенными»³⁰.

Проблема, которая возникает в связи с изложенной выше точкой зрения Олави и Куяла, заключается в том, что они не смогли привести в своей книге ни одного факта в подтверждение тезиса, что Акаси «субсидировал революционную деятельность большевиков». Невозможно найти такие факты и в опубликованных разделах записок самого Акаси. Нет их и в полицейском буклете, упоминаемом в предисловии. Речь там шла о брошюре «Изнанка революции. Вооруженное восстание в России на японские средства», в которой были обнародованы мате-

риалы против Акаси, оперативно собранные царской контрразведкой. Среди них оказались и фотокопии записей, которые собственноручно вел Циллиакус. В одной из них, в частности, указывалось, что было закуплено 1 тыс. ружей для «с.р.» (эсэров), 5 тыс. ружей для «г» (грузинской партии), 8 тыс. ружей для «ф» (финской партии), 5 тыс. ружей для «п.с.» (польских социалистов)³¹. Пометок о закупках оружия для социал-демократов в документе нет. Не подлежит сомнению, что, если бы у царской охранки был компромат на большевиков, она бы с удовольствием его обнародовала.

Предвзято излагают авторы предисловия и позицию М. Футрела. Обратимся, например, к его статье «Полковник Акаси и его контакты с русскими революционерами в 1904–1905 гг.», опубликованной в апрельском номере журнала «Far Eastern Affairs» за 1967 г. Вот что нашел Футрел в записках Акаси: «В то время как Акаси подробно рассказывает о людях, с которыми он главным образом сотрудничал, таких, как Циллиакус и Чайковский (Н. Чайковский – член внешнеполитического комитета партии эсэров. – Ю. Г.) и называет без подробностей имена многих других участников этих операций, он лишь вскользь упоминает Ленина и только в качестве одного из лидеров российских социал-демократов».

«Нужно четко отметить, – пишет далее Футрел, – что сам Акаси не приводит свидетельств каких-либо теплых отношений или даже контактов между ним и Лениным. Если бы такие отношения или контакты были, трудно представить себе причины, по которым Акаси опустил бы их в своих записках, составленных в 1906 г.»³².

В своей статье Футрел полемизирует также с исследователем Вадимом Медишем, опубликовавшим в журнале «Рашен ревью» (№ 24 за 1965 г.) материал «Ленин и японские деньги», в котором автор утверждал, что, по его мнению, «более не подлежат сомнению контакты Ленина с японцами в 1904–1905 гг.». Заключение Футрела четкое и категоричное: «Нет никакого обоснования заявлению о контактах Ленина с японцами»³³. В результате своего исследования Футрел пришел к следующему выводу: «Представление о том, что существовали контакты между этими двумя людьми (т.е. между В.И. Лениным и Акаси. – Ю. Г.) возникли из последующей литературы об Акаси»³⁴.

Действительно, такая литература появилась на Японских островах в 1930-е годы, когда Япония начала агрессию в Китае и стала готовиться к военному столкновению с Советским Союзом. Именно тогда там оказались востребованными «подвиги» Акаси в качестве разведчика в борьбе

³¹ Изнанка революции. Вооруженное восстание в России на японские средства. СПб, 1906, с. 11.

³² Far Eastern Affairs», 1967, № 4, п. 13, 14.

³³ Ibid., п. 20.

³⁴ Ibid., п. 13, 14.

³⁰ Ibid., п. 5–6.

против России и была создана пропагандистская легенда о контактах Акаси с большевиками и В. И. Лениным и передачи им японских денег. Судя по всему, Футрел ознакомился с этой литературой и в своей статье рассказал об одной из подобных книг. Это была книга Кояма Кацукиё «Великое подстрекательство», опубликованная в 1930 г. и переиздававшаяся в послевоенное время как литературный роман.

«“Книга Великое подстрекательство”, – пишет Футрел, – является примечательным произведением. В ней Акаси в 1904–1905 гг. представляется достойным предшественником Джеймс Бонда, действующим мастерски и вдохновенно на европейской сцене в авантюрных и романтических эпизодах. Естественно, Ленин играет в них значительную роль. Тем не менее подробное описание его длительных секретных разговоров с Акаси рождает чувство легкого разочарования, так как много места в них занимает довольно путанное изложение ленинских политических взглядов».

Далее Футрел пишет: «Центральное место в книге отводится встрече Акаси с Лениным и Плехановым в Амстердаме (в 1904 г. – Ю. Г.). После осторожного зондажа с обеих сторон, возникает взаимное понимание и уважение, отпадают обоюдные претензии. Акаси передает Ленину бумагу, в которой имеется следующая запись: “Нужная вам сумма денег (прочерк)”. Ленин проставляет в оставленном месте сумму и передает бумагу Плеханову, который кивает в знак согласия. Ленин возвращает бумагу Акаси. Тот чиркает спичку, сжигает бумагу и говорит, что ответ будет дан при их встрече в Париже»³⁵.

А вот собственная оценка Футрела воспроизведенной им сценки из книги Кояма: «Все изложенное выше является впечатляющей, но, тем не менее, безусловной фикцией»³⁶.

Напомним, что мы уже упоминали выше о том, что Акаси активно участвовал в «сколачивании» под эгидой эсеров политического блока революционных и националистических сил, оппозиционных царскому режиму. Неверно было бы утверждать, что такой блок создавался исключительно по инициативе и благодаря усилиям Акаси. По мере назревания революционных событий в России и в ходе начавшейся революции 1905 г. объективно возникла необходимость в таком блоке, и в среде революционных организаций началась дискуссия по поводу его создания. Однако нельзя отрицать тот факт, что в 1904 г. инициативу по организации такого блока взял на себя прямой агент Акаси – К. Циллиакус. Он разослал приглашения на конференцию по созданию такого блока 19-ти партиям и организациям, откликнулись восемь. Наиболее крупной из них была партия эсеров. В то же время отказались участвовать в конференции большевики, меньшевики и ряд национальных фракций

российской социал-демократии. Конференция прошла в Париже осенью 1904 г., однако создать на ней единый блок оппозиции так и не удалось. И одной из причин этого была «тень» Акаси, явно маячившая за спиной К. Циллиакуса.

Еще одна попытка создать единый оппозиционный блок царскому режиму была предпринята после «кровавого воскресенья» 9 января 1905 г. На этот раз инициатором объединения вместо скомпрометировавшего себя К. Циллиакуса выступил руководитель шествия питерских рабочих к Зимнему дворцу священник Г. Гапон. Конференция состоялась в апреле 1905 г. в Женеве. К. Циллиакус уже не присутствовал на ней, хотя Акаси продолжал активно действовать за ее кулисами. Состав конференции в Женеве был более представительным, чем в Париже. На нее первоначально приехали большевики и меньшевики, в том числе и В. И. Ленин. Однако он вскоре покинул конференцию, убевившись в том, что не сможет отстоять на ней своей принципиальной линии. Позиция Ленина была сформулирована им в статье «О боевом соглашении для восстания». Он образно сформулировал ее в виде двух тезисов на немецком языке: «getrent marschieren» («врозь идти»), но «vereint schlagen» («вместе ударять») ³⁷. Другими словами, Ленин выступал за единые действия оппозиционных сил против царизма, но не соглашался на организационное объединение с ними.

Несмотря на то, что ни сам Акаси в своих записках, ни царская охранка в опубликованных материалах не приводят ни одного факта финансового спонсирования Акаси Парижской и Женевской конференций, ряд исследователей продолжает утверждать, что именно под участие в этих конференциях многие революционные организации России, прежде всего эсеры, получали деньги от Акаси. Одним из таких исследователей является Николай Стариков, автор весьма проблематичной книги «Кто убил Российскую империю? Главная тайна XX века». Не утруждая себя какими-либо доказательствами, он пишет: «Для координации общих действий за японские деньги и с одобрения японской разведки в 1904 г. в Париже и в 1905 г. в Женеве проводились конференции революционных партий России. Получил там свою долю денег и В. И. Ленин: в мае 1904 г. он организует свое издательство и начинает выпускать подрывную литературу. Она с успехом распространяется среди русских военнопленных. Средства, разумеется, японские»³⁸.

Н. Стариков затронул еще один весьма любопытный сюжет «японского фактора»: издание большевиками в Европе пропагандистской революционной литературы для 70 тыс. солдат и моряков, оказавшихся в лагерях для российских военнопленных в Японии, и направлении этой литературы на Японские острова.

³⁵ Ibid., p. 16.

³⁶ Ibid.

³⁷ Ленин В. И. ППС, т. 9, с. 280.

³⁸ Стариков Н. Кто убил Российскую империю? Главная тайна XX века. М., 2006, с. 52.

Этого сюжета касался и японский исследователь Тихару Инаба, автор одной из статей, опубликованных в анализировавшейся нами книге «Ракка рюсуй». Он писал: «Никто еще не нашел явных свидетельств того, что большевики имели какие-либо контакты с японцами помимо направления пропагандистской литературы для русских военнопленных, чем занимался Бонч-Бруевич». И делал следующее пояснение: «Контакты большевиков с японскими официальными представителями, осуществлявшиеся В. Д. Бонч-Бруевичем, журналистом, работавшим на журнал “Рассвет” и являвшимся представителем РСДРП в Женеве, ограничивались передачей пропагандистских изданий для российских военнопленных»³⁹.

Можно с удовлетворением принять к сведению заявление Т. Инаба о том, что нет «явных свидетельств» контактов большевиков с японскими представителями помимо тех, которые якобы имел Бонч-Бруевич. Да и это последнее утверждение Инаба весьма сомнительно. Оно опровергается самим Бонч-Бруевичем, который в 1927 г. опубликовал свои воспоминания. В них он рассказал, что нелегальная литература для русских военнопленных направлялась в Японию из Женевы не прямо, а через Америку и без каких-либо согласований с японскими официальными лицами. Бонч-Бруевич упоминал также о том, что меньшевики, чтобы скомпрометировать своих оппонентов-большевиков, распускали в Женеве слухи о его мнимых контактах с японскими представителями при отправке литературы и назвал эти слухи «клеветническими сплетнями». Непосредственно в Японии распространением указанной литературы занимался по поручению большевиков эмигрант-народник Н. К. Судзиловский-Руссель. Бонч-Бруевич не раскрыл источника, откуда брались деньги на печатание и отправку литературы. Естественно, это были партийные деньги, и они поступали в партийную кассу из самых различных источников, но только не от японцев, с которыми у большевиков, как мы выяснили, не было никаких контактов⁴⁰.

М. Футрел в своей статье также касался вопроса о пропагандистской литературе для русских военнопленных. Он выяснил, что работой по переотправке литературы для русских военнопленных занимался в Нью-Йорке по договоренности с Н. Судзиловским-Русселем журналист и издатель Джордж Кеннан. Интересно, что впоследствии в интервью газете «Нью-Йорк таймс» (24 марта 1915 г.) Кеннан утверждал, что его работу финансировал тогда ньюйоркский банкир Джекоб Шифф⁴¹. Что касается самого Н. Судзиловского-Русселя, то в 1905 г. он жил в Токио и возглавлял Комитет помощи русским военнопленным. Этот комитет

был официально признан японскими властями и имел право передавать военнопленным в числе прочего и литературу. Правда, она предварительно цензурировалась и наиболее революционные издания изымались.

В связи с темой отправки литературы для русских военнопленных М. Футрел еще раз вступает в полемику с Медишем, поскольку последний считал, что «договоренности о посылке этой литературы и других материалов в Японию должны были быть достигнуты с японскими агентами в Европе». Футрел назвал такое утверждение «бездоказательным». Он писал: «Литература просто посылалась по почте; для этого не требовалось никаких японских агентов»; и уточнял: «Единственными “агентами”, которые были необходимы для отправки литературы в Японию, были европейские и американские почтовые клерки»⁴².

В заключение очень кратко коснемся вопроса о том, как представлял себе Ленин борьбу с японской военной интервенцией в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке в 1918–1922 гг. Естественно, он не питал каких-либо иллюзий в отношении «звериного оскала» японского империализма и его захватнических устремлений. Но мы не найдем у Ленина пламенных призывов подниматься на вооруженную борьбу с японским милитаризмом и его «сибирским экспедиционным корпусом». И на это были веские объективные причины. С 1918 г. в стране развернулась ожесточенная гражданская война. Смертельную опасность для молодой советской власти представляли, прежде всего, вооруженные силы внутренней белогвардейской контрреволюции и в первую очередь ее соединения в Европейской части России. Ввязываться в этих условиях еще и в вооруженные схватки с воинскими соединениями Антанты, десантированными в Советскую Россию, не представлялось тогда возможным. Более эффективной, чем прямые боестолкновения, представлялась тогда широкая антивоенная и антиимпериалистическая пропаганда в войсках интервентов, которая вызывала брожение в солдатской массе и вела к разложению. Именно важность политической борьбы с интервентами особо подчеркивал Ленин. Об этом он прямо писал, в частности, в своем ответе на вопросы американского журналиста в июле 1919 г.: «По отношению к С. Ш. и Японии мы преследуем, прежде всего, ту **политическую** (выделено нами. – Ю.Г.) цель, чтобы отразить их... нашествие на Россию»⁴³.

Первые полтора года гражданской войны и иностранной интервенции не привели к ликвидации советской власти, и в январе 1920 г. Верховный совет Антанты был вынужден принять решение о прекращении военной интервенции. В апреле этого же года американские войска ушли с российского Дальнего Востока. Но Япония, второй ключевой участник этой интервенции, решила продолжать ее самостоятельно.

³⁹ Akashi Motojiro. Rakka ryusui, p. 121, 122.

⁴⁰ В. Д. Бонч-Бруевич. Как печатались за границей и тайно доставлялись в Россию запрещенные издания нашей партии. М., 1927, с. 67, 70.

⁴¹ «Far Eastern Affairs», 1967, № 4, p. 21.

⁴² Ibid.

⁴³ Ленин В. И. ППС, т. 39, с. 114–115.

В 1920 г. Красная Армия разбила Колчака в Сибири и вышла к Байкалу. Но в Европейской части страны продолжались ожесточенные схватки с белополяками и Деникиным. В этих условиях двигаться дальше к востоку от Байкала по территории, оккупированной японским «сибирским экспедиционным корпусом», под крылом которого окопались белогвардейские соединения атаманов Калмыкова и Семенова, означало бы открыть «второй фронт» сражений против очень сильного и подготовленного противника в лице японского милитаризма. Это грозило непредсказуемыми последствиями. Именно тогда и появилась идея предложить Японии в качестве вынужденной уступки создание на этой территории временного «буферного» государственного образования между двумя странами. «Буфер» был выгоден Советской России, так как давал ей жизненно важную передышку и ставил определенную преграду на пути дальнейшего развития японской интервенции. Что не менее важно, он помогал Советской России перевести стрелку в отношениях с Японией с военных столкновений на путь политической и дипломатической борьбы. Недаром Ленин говорил: «Буфер есть буфер, чтобы выждать время, а потом побить японцев»⁴⁴. Именно «выждать время», так как международная и внутренняя обстановка развивалась явно не в интересах империалистических интервентов. Об этом свидетельствовал и опыт Брестского мира. От германской оккупации молодая Советская республика «откупилась» унижительным Брестским договором. Но он не продержался и года. В ноябре 1918 г. он был аннулирован в связи с капитуляцией кайзеровской Германии перед странами Антанты.

Ленинский анализ ситуации показывал, что Япония в своей экспансии неумолимо столкнется с нараставшим противодействием со стороны США, а начавшееся освободительное движение китайского народа, вызванное японскими захватами в Китае (Маньчжурия и Шаньдун), лишит ее необходимых резервов для инициативных действий на севере. Еще в 1918 г. Ленин видел следующую перспективу: «...Японское стремление наступать против России сдерживает, во-первых, опасность движений и восстаний в Китае; во-вторых, некоторый антагонизм Америки, боящейся усиления Японии и надеющейся при мире добывать сырье из России более легким путем»⁴⁵. А в декабре 1920 г. Ленин уже уверенно констатировал: «Нас спасло то, что Япония, кушая Китай, не могла двигаться на запад, через всю Сибирь, имея в тылу Америку, и не хотела таскать каштанов из огня для Америки»⁴⁶.

В апреле 1920 г. в Верхнеудинске (Улан-Удэ) была провозглашена Дальневосточная республика (ДВР) со всеми атрибутами независимого государства, включая собственную Народно-революционную армию

(НРА). В ДВР не создавались советские органы власти, допускались в определенных пределах частное предпринимательство и торговля. Однако руководящей политической силой в республике оставалась РКП(б). Правительство ДВР договорилось с командованием японского экспедиционного корпуса о неведении военных действий между НРА и японскими войсками и начало переговоры об условиях признания ДВР со стороны Японии. Одновременно части НРА приступили к разгрому соединений белогвардейских атаманов, постепенно отесняя их на восток. Вместе с белогвардейцами вынуждены были отходить и части японского экспедиционного корпуса. 25 октября 1922 г. был освобожден Владивосток. Выполнив отведенную ей дипломатическую миссию, ДВР в ноябре 1922 г. самораспустилась, а на ее территории была восстановлена советская власть.

Тему данного материала хотелось бы завершить словами Ленина, сказанными им на пленуме Моссовета 20 ноября 1922 г.: «Ведь Владивосток далеко, но ведь это город-то нашенский»⁴⁷.

⁴⁴ Там же, т. 41, с. 170.

⁴⁵ Там же, т. 36, с. 324.

⁴⁶ Там же, т. 42, с. 66.

⁴⁷ Там же, т. 45, с. 303.